

УДК 811.512.37
ББК 81.2 (2Рос=Калм.)

К ВОПРОСУ О РОЛИ И ФУНКЦИЯХ ПОЭТИЧЕСКИХ ТОПОНИМОВ (на материале калмыцких народных песен)*

Б. Э. Убушиева, Э. У. Омакаева

Функционирование поэтических топонимов в калмыцком тексте мало привлекало внимание лингвистов, пока можно назвать кандидатскую диссертацию Б. Э. Убушиевой, в одной из глав которой эта проблема поставлена в лингвокогнитивном аспекте на материале песенных текстов [Убушиева 2013], и статью, посвященную изучению роли топонимов в создании лексической структуры художественного текста на калмыцком языке (в прозе калмыцкого писателя К. Эрендженова [Омакаева, Очирова 2010]). Поэтическая ономастика, включая топонимику, — это целая область исследований, в которых отражается весь спектр современных представлений об онимах [Фонякова 1990; Васильева 2009].

Анализ топонимов в статье осуществляется в условиях текстового функционирования сквозь призму языковой картины мира [Убушиева, Омакаева 2010; Омакаева 2012а], поэтому отправным пунктом исследования послужил песенный текст, а не отдельные лексические единицы.

Ономастическое пространство в поэтическом тексте организовано по полевому принципу [Супрун 1998]. Основные признаки языкового поля рассмотрены в работе И. А. Стернина [Стернин 1985: 38–39]. При выделении центра топонимического поля песни основным критерием служит частотность единицы. На этом основании мы выделяем в качестве доминантных топонимов названия водных объектов (гидронимы). И это не случайно. Значимость речной тематики в верованиях и ритуалах калмыков отмечена в работах этнологов [Бакаева 2009]. Река (вода), будучи природным объектом, прорастает в культуре дополнительными смыслами, обретая свое «второе», культурное, бытие. Названия водных объектов не могли не привлечь внимания и лингвистов (А. В. Суперанская [1973] и др.).

Наиболее значимым для калмыцкой топонимической картины мира, по данным песенных текстов, является обобщенный образ водного пространства, воплощенный в специализированных номинационных знаках [Омакаева 2012б]. Среди названий водных географических объектов в рассматриваемом нами корпусе калмыцких песен наиболее часто встречаются номинации водоема типа моря, озера (*Көк теңгс*, *Цаһан Нур*, *Хар теңгс*) и водного потока, например, реки (*Ижл*).

В состав гидронима *Көк теңгс* (Каспийское море) входит лексема *көк* ‘синий’. Данная лексема может указывать как на чистоту, прозрачность морской воды, так и на сравнительно небольшую глубину моря. Напротив, в топониме *Хар теңгс* ‘Черное море’ основную смысловую нагрузку несет лексема *хар* ‘черный’, что обычно указывает на то, что водный источник очень глубокий и вода такого источника холодная. Синий цвет характеризуется в калмыцком языке как цвет вечности, покоя, чистоты, тогда как черный цвет *хар* — это символ холода, силы, мощи, крепости и т. д. Ср.: *Көк теңгсин көвэднь / Күлг бийиһән амралав* ‘На берегу Каспийского (Синего) моря / Дал отдохнуть коню и себе’; *Хар теңгсин уснь / Хамхртлан эргийһән цокна* ‘Воды Черного (черного) моря / Бьются, разбиваясь о берег’. Какое расслабленное и спокойное настроение создает строка народной песни «Алта гидг назраснь» в первом случае и сколько беспокойства в ожидании грядущей бури сквозит в строках песни «Арвн тавта сарнь» (второй пример).

Чаше других в текстах песен мы находим упоминание гидронима *Ижл хол* ‘река Волга’: *Ирхин седкл бәәхлә, / Ижлин усн чальчагл* ‘Если есть желание приехать, / То воды реки Волги — не преграда (досл. всего лишь лужа)’. В калмыцкой народной песне

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проектов «Топонимическое пространство Республики Калмыкия» (№ 13-04-1802 е) и «Топонимический ландшафт Калмыкии в зеркале языка, фольклора и исторической географии» (№13-14-08601е/р).

«Самбрин хурвн толһаднь» слово *һол* упоминается в сочетании с топонимом *Манц* ‘Маныч’, что указывает на конкретный географический объект: *Манц гидг һолнь* — / *Мануртсн сээхн һол* ‘Река под названием Маныч — / Синеющая (вдали) красивая река’.

Оронимическая лексика, связанная с пространственными объектами, также присутствует в песне [Убушиева 2010]. В рассматриваемых нами текстах встречаются следующие названия гор: *Сөмр уул*, *Алта уул*, *Ханга уул*, *Тавн уул*, *Өл Маңхн цаһан уул*. Топоним *Сөмр* (*Сүмр*) уул отражает представления калмыков о мировой горе, которая в мифологии монголоязычных народов почитается как священная. В одной из калмыцких народных песен топоним *Сөмр уул* употребляется с эпитетом *дөрвн өнцгтэ* ‘четырёхгранная’. Указание на особую форму горы позволяет провести параллель между песенным образом и мифической горой Сумеру, ассоциируемой калмыками с центром мироздания, с осью, соединяющей срединный (земной) мир с небесным миром: *Дөрвн өнцгтэ Сөмр уульн / Дөрвд дунд дүңгэнэ* ‘Четырёхгранная гора Сумеру / Возвышается величественно в центре [кочевий] дербетов’.

Песенный топонимикон включает в себя и реальные географические названия, основной функцией которых является создание пространственности, достоверного фона для изображаемых событий. К наиболее часто упоминаемым географическим реалиям можно отнести Алтай (*Алта уул*) и Хангай (*Хаңһа уул*), горные цепи, расположенные на территориях, которые не без основания считаются родиной героического эпоса «Джангар» [Владимирцов 1923: 22]. Образы этого горного края, богатого лесами, прекрасными пастбищами, запечатлены в песенном творчестве монгольских народов.

Как показывает текст песни «*Алта гидг һазраснь*» (‘Из местности Алтай’), Алтай у калмыков связан с их исторической прародиной: *Алта гидг һазраснь / Алг буурларн мордлав* ‘Из местности, именуемой Алтай, / Двинулся я на своем пеге Серко’. В песнях встречается также ороним *Тавн уул* «Пять гор» (ср. Пятигорск), свидетельствующий об освоении калмыками нового пространства, в частности, о присутствии калмыков в районе Кавказской горной гряды и их ак-

тивной военной деятельности: *Тавн уулын белднь / Товин сумн асхрна...* ‘У подножия Пяти гор / Сыплются снаряды пушек’.

Таким образом, топонимы в песенном тексте имеют определенную семантическую нагрузку (функцию). В этом смысле представляется важным рассматривать их в контексте событий, действий, описываемых в песне, причем роль топонима в песенном дискурсе не сводится к простой идентификации географической отнесенности объектов и явлений: топоним как полифункциональный знак выполняет разнообразные задачи. Ему присущи такие функции, как номинативная (дифференциально-идентификационная), прагматическая, эстетическая, текстообразующая, причем две последние могут быть определены как ведущие для песенного дискурса. Особую функцию обретают топонимы в создании хронотопа (художественного пространства-времени) поэтического текста.

Изучение географических названий, раскрывающих свой текстопродуцирующий потенциал в границах пространства конкретного текста, как мы убедились, имеет важное значение в познании законов поэтического текстопостроения. Роль топонима в создании полиструктурной целостности музыкально-поэтического текста различна в зависимости от его конкретного использования в том или ином типе текста.

Анализ функционирования топонимов в калмыцком песенном тексте позволил выявить специфические оценочные коннотации, определить ряд закономерностей употребления исследуемых единиц, вскрыть особенности их сочетаемости. Это свидетельствует о том, что поэтические топонимы являются важным средством художественного осмысления образа, в песенном выражении они приобретают особую эстетическую значимость и выразительность, обрстая новыми, дополнительными смыслами, получая образно-экспрессивную интерпретацию.

Наиболее актуальной проблемой дальнейших исследований поэтических топонимов является создание полной лексико-семантической классификации калмыцкого песенного топонимикона, отражающего особенности этнической культуры, своеобразия кочевого образа жизни, ландшафта, географических реалий, местной флоры и фауны.

Литература

- Бакаева Э. П.* Речная тематика в верованиях и ритуалах калмыков: древние представления о пространстве и проблема прародины // Мат-лы Междунар. науч. конф. «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства. г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г. Часть II. Элиста, 2009. С. 297–301.
- Васильева Н. В.* Собственное имя в мире текста / Отв. ред. Н. К. Рябцева; Изд. 2-е, испр. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 224 с.
- Владимирцов Б. Я.* Монголо-ойратский героический эпос / пер., вступ. ст. и примеч. Владимирцова Б. Я. Пг.: Гос. изд-во, 1923. 254 с.
- Омакаева Э. У., Очирова Н. Ч.* Ономастическое пространство художественного текста (на материале топонимикона прозы К. Эрендженова) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 2. С. 55–59.
- Омакаева Э. У.* Проблемы текстообразования в фольклорном дискурсе: жанр калмыцкой песни в свете лексикографического и корпусного подходов // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012а. № 1. С. 21–27.
- Омакаева Э. У.* Топонимия Синьцзяна как отражение ойратоязычной культуры региона: этнолингвистический аспект // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012б. № 4. С. 162–179.
- Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.
- Супрун В. И.* Ядро и периферия в ономастическом пространстве // Славистический сборник. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. С. 215–220.
- Убушиева Б. Э.* Горный ландшафт в калмыцкой народной песне сквозь призму языка // Мир науки, культуры, образования. г. Барнаул. 2009. № 7. С. 68–69.
- Убушиева Б. Э.* Лексика калмыцких народных песен (когнитивно-семантический аспект): автореф. дис. ... канд. фил. наук. Элиста, 2013. 26 с.
- Убушиева Б. Э., Омакаева Э. У.* Песенный текст как объект лингвистического исследования сквозь призму языковой картины мира: состояние и перспективы изучения (на материале лексики калмыцкой народной песенной поэзии) // Научная мысль Кавказа. Ростов-на-Дону. Изд-во Северо-Кавказ. НЦ ВШ. Спецвыпуск. 2010. № 4. Ч. 2. С. 27–31.
- Фонякова О. И.* Имя собственное в художественном тексте. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 104 с.